

В. А. Сулимов

Феномен преодоления: от индивида к личности

УДК 008+130.121

В статье рассматривается феномен преодоления как качественного перехода в формировании личности. Преодоление является эмоциональным актом познания мира в себе и себя в мире. Этот ценностный акт является предпосылкой формирования личности.

Ключевые слова: *преодоление, формирование личности, понимание.*

V. A. Sulimov. Phenomenon overcome: from individual to person

The article discusses the phenomenon of overcoming both qualitative transition in the formation of personality. Bridging is an emotional act of knowing the world in itself and of itself in the world. This act of values is a prerequisite for the formation of personality.

Key words: *overcoming, the formation of personality, understanding.*

Основатель гуманистического направления в психологии А. Маслоу в середине XX в. наметил пределы и базовые утверждения новой интегрированной теории — теории самоактуализации (человека). Согласно этой теории человек есть *самоактуализирующееся существо*, использующее технологии философского понимания, культурного взаимодействия и эстетического озарения (инсайта) в процессе моделирования (формирования) собственной личности [1]. Краеугольным камнем этой теории является представление о человеке как иерархии (пирамиде) потребностей, включающих биологические и предметные, располагающиеся на низших уровнях условной пирамиды, а также когнитивные и духовные, расположенные на высших уровнях. Развитие человека (его самоактуализация) означает движение вверх по граням пирамиды с опорой на «бытийные ценности», воспринимаемые (и=принимаемые) человеком эмоционально и симультанно как сильное душевное переживание: «Человек — это иерархия потребностей, в основании которой лежат биологические потребности, а на вершине — духовные. Однако, в отличие от биологических потребно-

стей, бытийные ценности не образуют иерархии. Одна из них столь же важна, как и другая, и каждая может быть определена через все другие» [1, с. 223]. Важнейшим механизмом, формирующим человека-в-культуре (универсального субъекта современного культурного пространства), является процесс самоидентификации (или, по Маслоу, — самоактуализации), который понимается как сложное когнитивно-семиотическое действие, раскрывающее человека для мира и мир для человека (по-другому — действие, наделяющее повседневное бытие целью и содержанием — «кирпичиками смысла»). Это действие, требующее от субъекта обязательного экзистенциального переживания, эмоционального акта со-причастности, А. Маслоу называет «пиковые переживания», образно определяя их так: «Это моменты экстаза, которые нельзя купить, нельзя гарантировать, нельзя преодолеть... Можно создать условия, при которых пиковые переживания будут более вероятны или, напротив, менее вероятны. Преодолеть иллюзии, избавиться от ложных представлений, понять, к чему ты не пригоден и каких потенций у тебя нет, — это тоже элемент открытия того, чем ты являешься на самом деле» [1, с. 62]. Таким образом, выстраивая «пирамиду самоактуализации» (вариант пирамидальной, по сути, процедуры формирования личности или *человека-в-культуре*), мы должны выделить переломный момент понимания (и, одновременно, — само-ощущения), который (относительно внезапно, спонтанно) освещает сознание набором смыслов — целостной картины мира, поражает возможностью транс-кодowego и даже трансцендентального перехода мысли (и=слова), предлагает зримые опоры для попыток нравственного выбора. Этот переломный момент и есть, по нашему мнению, *преодоление* с приписанными ему очевидными чертами экзистенциального переживания, когнитивного акта и ценностно ориентированного поступка одновременно.

Преодоление, выступающее не только как явление психического ряда, но и социокультурный (антропологический) феномен, становится одним из основных объектов культурологического исследования. В основе такого подхода лежит система научных идей, во многом восходящая к уровневому (пирамидальному) пониманию человеческой личности П. А. Сорокиным, построенному на ценностных и духовно-нравственных «кирпичиках смыслов», возникающих и реализующихся в ходе творческой деятельности, а также тексто- и смыслоцентри-

ческом понимании человеческого типа сознания, принадлежащего В. В. Налимову. По сути дела, эти два подхода представляют собой «пазловую теорию» личности и общества, координированный изначально прогресс и развитие которых оказываются одним и тем же элементом «нарратива жизни» — преодолением.

Говоря о возможности выхода из глобального общественного кризиса XX в., П. А. Сорокин видел его в трансформации человека в альтруистически настроенное интеллектуально-интуитивное существо, способное не только жить в мире, но и творить мир по идеальным интуитивным (инсайтным) лекалам: «Человек стал одним из творческих центров всей действительности. В противовес преобладающему в настоящее время мнению человек — это не только несознательное и сознательное творение, но он также является сверхсознательным творцом, который в состоянии контролировать и переступать пределы своих бессознательных и сознательных сил и который фактически делает это в моменты “божественного вдохновения” в наилучшие периоды своего интенсивного творчества» [5, с. 135]. Такая трансформация человека, превращающая его в некий интеллектуально-смысловой субъект творческой деятельности, не может быть проведена (а) извне (так как мотивация играет определяющую роль); (б) легко и естественно (так как противоречит социально-хаптической природе человека); (в) вне текста (так как должна основываться на существенных и сложных смыслах, возникающих, как правило, на границах текстов культуры). Глубоко интимный, внутренний и некомфортный процесс *превосхождения себя для ...* (социального развития, становления культуры, научной деятельности, церковного и социального служения) мы называем *Преодолением*. Структуру (правда, особую — открытую и динамичную) феномена Преодоления находим у В. В. Налимова. Говоря о самоорганизации сознания и общества, В. В. Налимов указывает на ведущую роль в этой самоорганизации интеллектуальной деятельности, формирующей человека как уникальный субъект Семантической Вселенной. Интеллектуальная деятельность определяется, в свою очередь, тремя связанными элементами:

– текстом как универсальным источником смыслов («Всякий серьезный текст является феноменом максимальной сложности. Он не может быть алгоритмически записан короче, чем он есть» [2, с. 108]);

– пониманием как универсальным интеллектуальным актом, создающим условия для становления творческой личности («Понимание текста всегда личностно» [2, с. 108]);

– текстовой базой личности, сформированной как образ или картина мира с помощью смысловых «координатных осей».

«Кирпичики смысла», располагаясь (концентрируясь) на границах естественного сознания — в зоне понимания, индуцируют формы и способы интеллектуальной активности субъекта, его своего рода «интеллектуальной спонтанности».

При этом элементы, иницирующие интеллектуальную деятельность (актуализированные мислеобразы), очевидно симметричны элементам, формирующим универсального субъекта современности: человека-в-культуре как генерализованную интеллектуальную личность. Человек-в-культуре при всем изобилии его социально-культурных характеристик точнее всего описывается именно как *понимающая личность*, то есть личность, деятельность которой направлена на понимание, воспроизводство и использование текстов культуры в процессе решения социальных задач и достижения эвристических целей.

Вместе с тем *понимание* — этот универсальный когнитивный акт — не произволен, а потому не может быть определен однозначно (в частности, как функция двустороннего — адресат-адресантного акта информационного обмена). Оно детерминируется другим — индивидуально и/или социально (в процессе систематического образования) осмысленным культурным контекстом, построенным на предыдущих и (возможных) будущих попытках смысловой интерпретации текстов. Тексты становятся не только эффективными «генераторами смыслов» (Ю. М. Лотман), но и объектом смыслообразующих интерпретационных действий (т.е. *собственно* понимания), образуя многослойное *поле понимания*: «Текст являет себя в своем существовании как особое смысловое единство. Его понимание неотделимо от того контекста, в котором он воспринимается, то есть ситуации, включающей мыслительный, языковой и культурный опыт сообщества, благодаря которым формируются условия осмысленности» [8, с. 25]. Периферийное положение текстов культуры в образовании, неструктурированность области культуры в качестве базовой смыслообразующей платформы (как и игнорирование интегративного и мировоз-

зренческого потенциала современной культурологии) не только существенно обедняют российское школьное образование, но и прекращают процесс индивидуального смыслотворчества, возникающий только на границах текста и реальности, прошлого и настоящего, реального и виртуального. Виртуальность сознания падает, а затем (или одновременно) падает креативность индивидуума, позволяющая создавать «новые миры» индивидуального сознания. В таких условиях понимание подменяется нон-интеллектуальным мимесисом, повтором, технологическим действием, не выходящими на границы текстов и потому обесмысленными изначально¹.

Здесь хорошо «просматривается» фундаментальная методологическая ошибка, не устранимая без полного прекращения ЕГЭ для гуманитарной сферы. Она сводится к недоучету подвижности и когнитивной пластичности форм интеллектуальных творческих актов, всегда являющихся результатом глубинного понимания и требующих серьезных интерпретационных усилий. Сфера свободного интеллектуально ориентированного сознания спонтанна по определению и не может содержать однозначных суждений, это вероятностная сфера, проясняемая только через текст/дискурс/диалог. Таким образом, априорность «универсальных» форм (особенно требующих однозначности при выборе (как в тестах ЕГЭ)) имеет фундаментальное эпистемологическое ограничение, выражающееся в (а) обусловленности текста культурой и культуры текстом, (б) перманентной изменчивости и (в) рефлексивности в смысловом пространстве, создаваемом фактами (текстами) культуры. Смыслокультурная подвижность символической формы есть доминанта развивающегося исторического процесса: «Она, символическая форма, динамична, развивается. И в этом движении она, одновременно, выступает результатом взаимодействия в общекультурном контексте, а потому от него, от культурного контекста, зависит и в нем фундирована» [3, с. 77]. Форма всегда оказывается метафоризированным сообщением, обращенным к культурному контексту и им обусловленным.

В ракурсе этих рассуждений можно рассмотреть несколько базовых положений П. Сорокина, сформулированных в ином — социологическом — ключе. Одна из причин любого застоя (социального, ин-

¹ Технологическим действием, например, становятся «творческие задания» ЕГЭ, строго обусловленные набором формальных признаков.

теллектуального, экономического или политического) — проблема социально-культурной мобильности. Горизонтальные платформы и вертикальные социальные лифты, все ускоряющие свое движение в XX–XXI вв., способны решить, по мысли П. А. Сорокина, следующие задачи: (а) структурирования общества на основах знаний и компетенций (а не системы привилегий и связей: материальных, корпоративных, сословных, семейных и т.п.), (б) удовлетворения индивидуальных амбиций и реализации индивидуальных картин мира в реальном социальном действии — шифте (некотором переходе — трансформации — информационном «переключении»), открывающем новые «социальные горизонты» личности, (в) самообосновании в культуре, которая не терпит бездеятельности и отсутствия трендов, а сама направлена на подготовку и осуществление социально-культурных изменений [6].

Все эти факторы представляют собой проекцию на социальное поле бытия индивидуума *одного* базового фактора, а именно — когнитивно-семиотического, обеспечивающего перманентный процесс *понимания для самоидентификации*. Процесс самоидентификации личности, основанный на когнитивно-семиотическом факторе индивидуального и социального развития, обнаруживает внутреннюю динамику — *переходность*. Переходность, осуществляемая культурой за счет постоянного формирования (под информационным напором) коллективных и индивидуальных картин мира, за счет смены научных, общекультурных и символических парадигм (относительно устойчивых образований), за счет массового изменения социально-экономических предпочтений (моды), становится фактором развития или, наоборот, разрушения в зависимости от нашего понимания и/или учета основных социально-культурных факторов. П. Сорокин писал: «Тщательное исследование изменения числа самоубийств и преступлений, экономических колебаний, войн и революций, смены политических режимов, стилей в изобразительном искусстве или динамики обширных культурных и социальных систем со всевозрастающей надежностью подтверждают догадку о том, что основные факторы этих изменений находятся в самих социокультурных явлениях и тех социокультурных условиях, в которых они происходят и функционируют» [8, с. 45]. Изучение природы социокультурных процессов возможно (по Сорокину) только в условиях выделения *социокультурного*

пространства (а не экономического) вообще в качестве базовой категории, платформы понимания общественных проблем (политических, экономических, научных, информационных, образовательных). Социокультурное пространство как платформа социального развития представляет собой «особое множество, заданное тремя основными “плоскостями” и некоторым числом “измерений”. В нем есть *плоскость значений, ценностей и норм, плоскость проводников и плоскость человеческих агентов*. Измерения задаются *основными культурными системами и основными односвязными и многосвязными группами* вместе с их системами и подгруппами. Число измерений зависит от того, с какой степенью точности мы хотим определить социальное и культурное положение данного социокультурного феномена в свехорганическом универсуме» [4, с. 388]. Значения, ценности и нормы составляют *смысловую (смыслообразующую) плоскость* пространства, проводники — это семиотические (знаковые) системы и коды, а также средства и способы трансляции информации (*смысло-передающая, транслирующая плоскость*), наконец, третья плоскость — это совокупность свойств, качеств и возможностей человека — в том числе — предельных (когнитивных, коммуникативных, волевых, морально-нравственных, физиологических и др.), то есть *культурно (или=социально)-антропологическая плоскость*. Культурные системы и культурные группы есть предметный фон, на котором происходит драма развития и общества и его центрального субъекта — человека-в-культуре. В этих построениях отсутствуют такие параметры, как «законы экономики», «деньги», «власть», «прибыль», «доход» как явно второстепенные, прикладные, относящиеся к элементам культурных систем, например способам обмена, социальной организации или взаимодействия.

Выдвижение науки и образования на ведущее место в системе социально-культурного развития человека и мира в целом демонстрирует необходимость замены установок экономического детерминизма (все подчинено цифровым схемам денежной прибыли и материального дохода) установками когнитивного детерминизма (все подчинено задачам интеллектуального развития общества, научного обеспечения этого развития). При этом идея политической власти должна уступить свое место идее интеллектуальной власти, то есть вертикальной организации интеллектуального обмена (по схеме: *информационный по-*

ток — интеллектуальный результат) и горизонтальной интеграции креативных усилий (при достаточной доступности необходимых ресурсов). Эту социально-политическую установку П. Сорокин сформулировал задолго до того, как она стала вновь «изобретаться» американскими экономистами в конце XX в. Поясняя мысль о возрастании роли науки и образования в обществе, П. Сорокин писал: «Так как сущность социального процесса составляет мысль, мир понятий, то, очевидно, он же и является основным первоначальным фактором социальной эволюции. Все основные виды социального бытия (миропонимание, искусство, практика) обусловлены знанием (наукой или, что то же, представляют модификацию этого фактора). Все социальные отношения в конце концов обуславливаются мыслью» [7, с. 543]. В этой пост-постиндустриальной системе образование определяется следующими зависимостями: (а) стратификационным (структурирует общество, выделяя и выдвигая на «ударные» позиции элиту, дифференцируя общество по интеллектуальным признакам); (б) идентификационным (позволяет личности пройти длительный и нелинейный путь самоопределения, осуществить личностный выбор и реализацию); (в) ориентационным (собственно социальный), задающим вектор развития социума, направленный на обновление и усвоение системы ценностей, норм, кодов культуры. Нетрудно различить в первом случае элитарную систему образования, приготавливающую научные и политические кадры через немногие известные и престижные университеты, во втором — разнообразные формы (в т.ч. «модные», «популярные», например, юридические, экономические, художественные или театральные), направленные на формирование самоуважения и других самоидентификационных характеристик. А в третьем случае — социально-педагогический блок в том числе — в «центральных и провинциальных вузах», развернутый в сторону формирования общества как самосохраняющейся, самовоспроизводящейся и саморазвивающейся системы. Трехзвенная система развернута в США, Китае, Израиле и других странах и фактически противоречит так называемой Болонской системе, «принятой» в нашей стране под большим властным давлением и весьма условно соотносимой с европейскими (да и современными азиатскими) ценностями развития.

Социальная вертикаль, подъём по которой все более и более связан и информационными ресурсами, и каналами информационного

обмена, что не освобождает человека, поднимающегося по этой вертикали, от эмоциональных и нравственных усилий, от «радости понимания» (А. Маслоу) и провалов попыток самоактуализации. Отметка качественного перехода человека на этой вертикали достигается актом *преодоления* («спонтанного» нравственного выбора — Налимов, либо «пикового переживания» — Маслоу), при помощи которого совершается переход человека в гипотетический, но все более реально проступающий мир альтруистической творческой любви (Сорокин).

Важна собственно культурно-антропологическая составляющая сорокинской (по своей базовой сущности) концепции «преодолевающего человека», позволяющая наметить набор эффективных интеллектуально и нравственно ориентированных технологий современности. Это, прежде всего, идея обязательной интеллектуальной сложности культурного пространства, ухода от «простых» и «очевидных» решений в организации повседневности, сознательное избегание упрощенных (интеллектуально «выхолощенных») текстов культуры, применение интеллектуальных практик во всех сферах жизни. Соблазну нон-интеллектуализма, хаптического и массово-потребительского выстраивания жизненного нарратива должен быть выставлен надежный заслон в области науки, культуры и образования. Понятия «народный» и «массовый» не должны означать «нон-интеллектуальный», облегченный, примитивный, логически дефектный и семантически пустой. Избегая интеллектуального или духовного усилия (=насилия) над собой, уходя от необходимости использования универсальной практики «очеловечивания» — практики Преодоления, индивидуум нарушает природный ход вещей, определяемый законами Семантической Вселенной, а значит, может рассчитывать на «обязательную перезагрузку» исторической наррации, перераспределение направлений факторов развития и существования, причем не в свою пользу. Таков фактически раскрытый П. А. Сорокиным обновленный категорический императив, который (вслед за И. Кантом и поправляя его) можно сформулировать так: «Человек есть цель интеллектуального и духовного развития мира, а не средство или субъект для реализации инстинкта обладания». История все более и более показывает нам (иногда в буквальном смысле телевизионного вещания), что в этом утверждении нет ни грана утопии, отступление же от

этого императива чревато серьезными социально-культурными последствиями.

1. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы : пер. с англ. М. : Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011.
2. Налимов В. В. В поисках иных смыслов. 2-е изд. СПб. ; М. : Центр гуманитарных инициатив, 2013.
3. Соколов Б. Г. Формы данности и формы чувственности: процессы перекодировки концептуального поля // *Studia Culturae*. Вып. 17. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2013. С. 68–80.
4. Сорокин П. А. Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии. Главы из книги // *Социологический ежегодник*, 2010. М. : РАН, ИНИОН, 2010. С. 380–451.
5. Сорокин П. А. Моя философия — интегрализм // *Социологические исследования*. 1992. № 10. С. 130–137.
6. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М. : Астрель, 2006. 794 с.
7. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов ; пер. с англ. М. : Политиздат, 1992.
8. Сорокин П. А. Социокультурная динамика и эволюционизм // *Американская социологическая мысль*. М. : Ин-т социологии ; Наука, 1996.
9. Хаджаров М. Х. Базовые гносеологические процедуры социально-гуманитарных наук // *Вестник ОГУ*. 2012. № 9 (145) сентябрь. С. 23–29.

И. Е. Фадеева

**Антропология Питирима Сорокина: зырянский космизм
и русский гнозис**

УДК 008+140.8

В статье рассматривается философская антропология Питирима Сорокина в контексте русской религиозно-философской мысли конца XIX — начала XX вв. Автор прослеживает связи интегральной теории Питирима Сорокина с русской социологией и русским космизмом. Особое внимание уделяется вопросу о значимости гностиче-